

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ОРЛЫ ИМПЕРИИ

РИМСКИЙ ОРЕЛ
ОРЕЛ-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ
ОРЕЛ И ВОЛКИ

САЙМОН СКЭРРОУ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ
◆
ОРЕЛ И ВОЛКИ

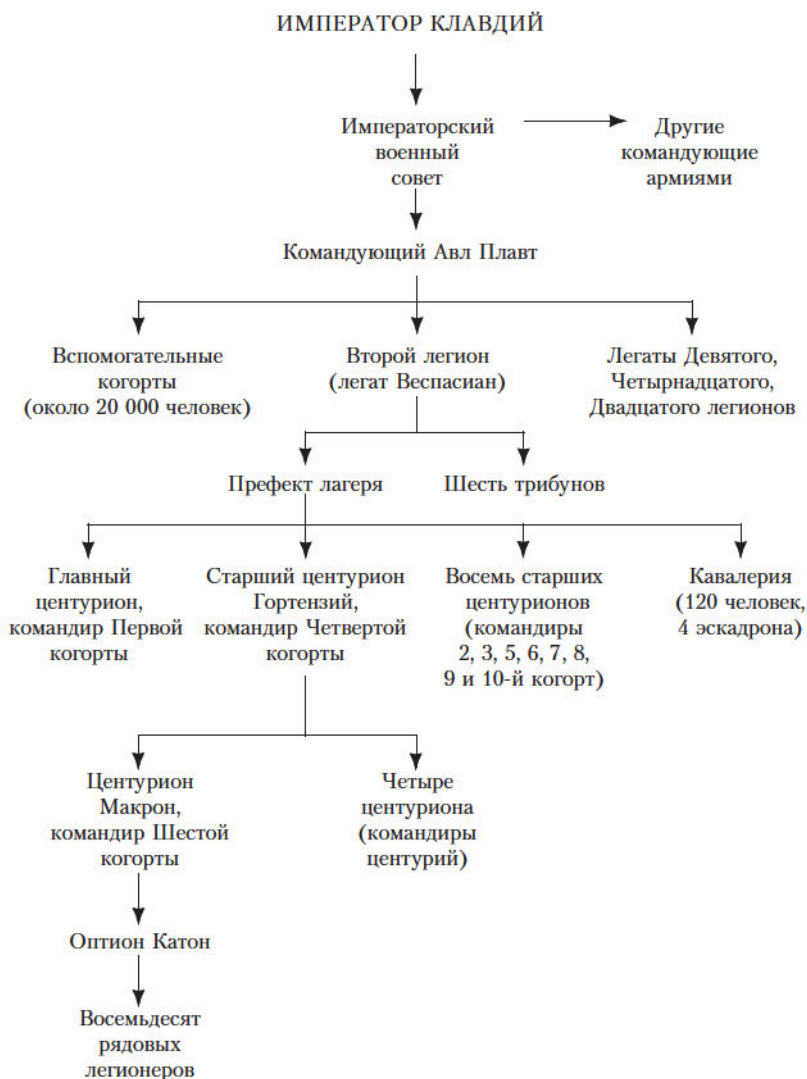
Санкт-Петербург

ОРЕЛ НАПАДАЕТ

*Посвящается Джозефу и Николасу
в благодарность за их вдохновенное фехтование*

СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ
РИМСКОЙ АРМИЕЙ В БРИТАНИИ,
44 г. н. э.

ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОГО ЛЕГИОНА

Второй легион, как и все римские легионы, насчитывал пять с половиной тысяч солдат. Основой этой весьма внушительной боевой единицы являлась центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА и подначального ему ОПТИОНА. Центурия состояла из десяти отделений — по восемь воинов в каждом, совместно размещавшихся в палатке или казарме. Шесть центурий составляли когорта, а десять когорт — легион, причем Первая когорта имела двойную численность. Каждому легиону придавалось сто двадцать конников, разбитых на четыре маневренных эскадрона. Кавалеристы преимущественно выполняли обязанности разведчиков и гонцов.

Личный состав легиона имел в порядке понижения следующие чины.

ЛЕГАТ. Легатом легиона являлся знатный — обычно среднего возраста — римлянин, для которого пост этот служил, как правило, ступенькой к дальнейшей политической карьере.

ПРЕФЕКТ ЛАГЕРЯ. Им становился поседевший в походах ветеран, который долгое время был главным центурионом легиона и честность и боевой опыт которого не вызывали сомнений. Для незнатного воина это была высшая точка профессиональной карьеры. Если легат отсутствовал или по каким-то причинам оказывался не в состоянии командовать легионом, обязанности его переходили к префекту.

Шестеро **Трибунов** являлись своего рода офицерами штаба. В большинстве случаев это были молодые, лет двадцати с небольшим, люди, желавшие получить военный и административный опыт, перед тем как осесть в органах гражданского управления. Над ними стоял **Старший Трибун**, который

в дальнейшем мог рассчитывать на пост легата или на политический рост.

Но костяком командного состава, обеспечивавшим как военную выучку легиона, так и строжайшую дисциплину в его рядах, были все те же ЦЕНТУРИОНЫ, славившиеся умением подчинять солдат своей воле и выдающейся воинской доблестью. Последнее приводило к тому, что этих командиров в сражениях выбивали чаще остальных. Старшинство среди них принадлежало главе Первой центурии Первой когорты, самому опытному ветерану, удостоенному наибольшего числа наград.

Четыре ДЕКУРИОНА командовали приданными легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать получить под начало более крупный, вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал ОПТИОН, являвшийся его заместителем и первым кандидатом на должность своего командира, когда та (что случалось часто) становилась вакантной.

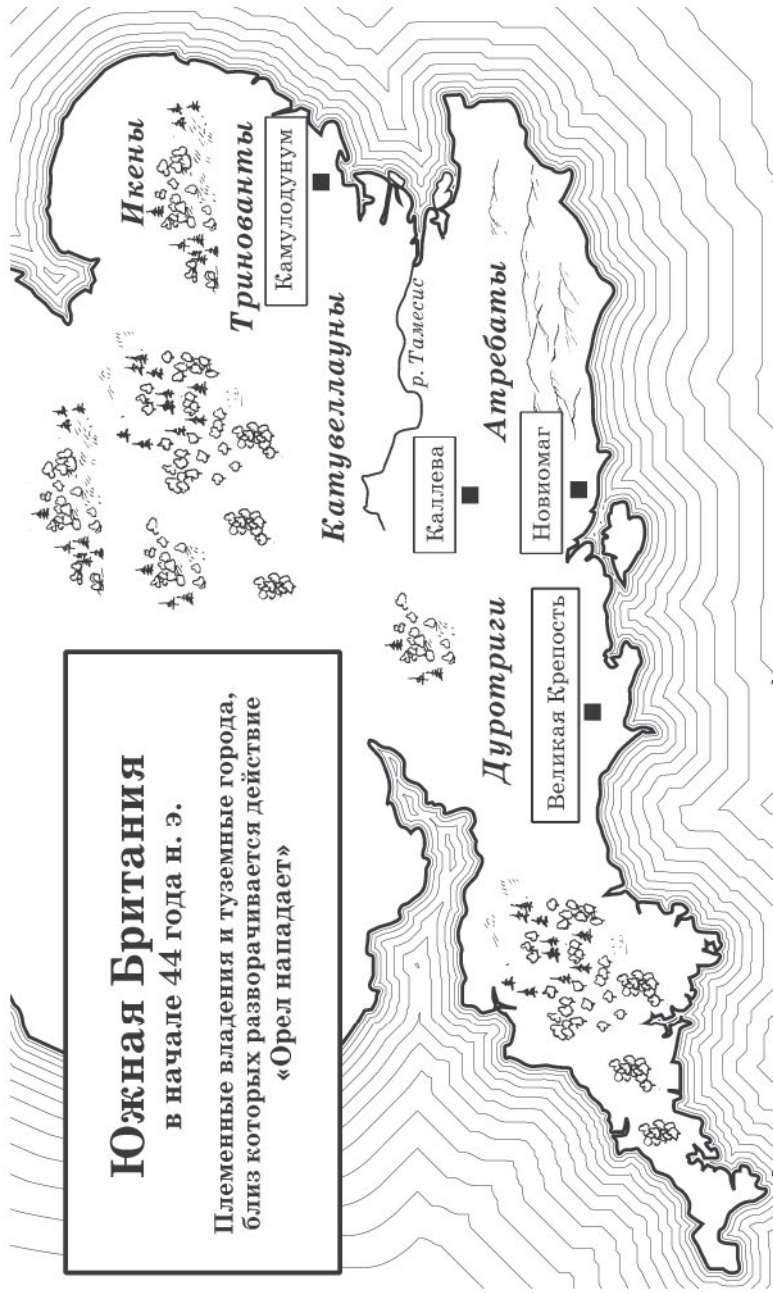
Рядовые ЛЕГИОНЕРЫ обязывались отбыть на нелегкой воинской службе двадцать пять лет. Первоначально правом служить в легионах обладали лишь римские граждане, однако по мере расширения державы и увеличения численности армии легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций империи.

Воины ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ имели формально более низкий статус, чем легионеры. Эти подразделения формировались из жителей местности, в которой квартировал легион, и обеспечивали римскую армию конниками и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали такое по истечении двадцатипятилетнего срока службы.

Южная Британия

в начале 44 года н. э.

Племенные владения и туземные города,
близ которых разворачивается действие
«Орел нападает»

Глава 1

Вспышка молнии осветила бурное море, и все окружающее — от вздыбленных пенящихся валов до четко очерченных, странно плоских фигур матросов и причудливых переплетений корабельной оснастки — вмиг побелело и словно застыло, пойманное в фантастическую ловушку. Однако миг миновал, и трирему вновь поглотила мгла, сменившая это ослепительно-яркое, но — уввы! — очень недолговечное торжество света. Низкое серое небо быстро затягивали черные тучи. Ветер гнал с севера свинцовые волны. Ночь еще не накрыла пляшущий водный простор своей тьмой, однако перепуганной команде неведь куда несущегося суденышка, равно как и его пассажирам, уже стало казаться, что солнце давным-давно покинуло небосклон, ибо оно давало знать о себе только слабым, размытым свечением, порой пробивавшимся с северо-запада сквозь пелену дождя и тумана. Шторм так безжалостно раскидал корабли, что префекту, под началом которого находилась маленькая флотилия, оставалось лишь, держась одной рукой за штаг, а другой защищая глаза от бешено крутящихся в воздухе ледяных брызг, тщетно всматриваться в неоглядную даль и сердито ругаться.

Из всей эскадры его в относительной близости пребывали теперь только два корабля, да и те с каждым подъемом очередного огромного вала оттаскивало все дальше к востоку. Остальные суда конвоя, разметанные стихией, вообще потерялись из виду. Правда, для некоторых из них еще существовала возможность отыскать вход в глубокий канал, ведущий к Рутупию — главной опорной базе римлян на британской земле, но флагман уже не имел таких шансов. Где-то на суше под Камулодунумом благополучно стояли римские легионы. Солдаты, готовые по весне продолжить завоевательную кампанию, сейчас безмятежно

нежились в тепле зимних казарм, а трирему префекта, невзирая на все усилия дюжих гребцов, влекло прочь от спасительной земной тверди.

Глядя на темную линию британского побережья, совершенно обескураженный римлянин с горечью вынужден был признать, что стихия неодолима, и приказал убрать весла. Пока он лихорадочно размышлял, что ему следует далее предпринять, моряки, чтобы придать судну устойчивость, спешно подняли маленький треугольный парус. Поскольку вторжение началось прошлым летом, префект уже не один десяток раз совершал подобные переходы, хотя никогда еще, вплоть до сего дня, не попадал в столь ужасное положение. Каприз погоды обернулся кошмаром, но кто же мог о том знать?

Ведь даже нынешним, казавшимся теперь бесконечно далеким утром небо над Гесориакумом было ясным, что сулило быструю, легкую переправу. Правда, обыкновенно римляне предпочитали зимой в море не соваться, однако армия Авла Плавта испытывала острую нехватку провианта. Тактика выжженной земли, которую в яростно сопротивляющейся Британии широко применял вождь отступающих дикарей Каратак, приносила плоды. И сейчас силы вторжения полностью зависели от снабжения с континента. В противном случае легионам, чтобы дожить до весны, пришлось бы налечь на стратегический провиант, с большим трудом собранный и тщательно сберегаемый для будущих наступательных действий. Поэтому небольшие транспортные флотилии продолжали уютить пролив, пересекая его всякий раз, когда позволяла погода. Сегодня тоже, судя по всем приметам, ничего страшного не ожидалось. Утро было обманчиво тихим, и префект со спокойной душой повел тяжело нагруженные суда к Рутупию, думать не думая о каких-то там бурях.

Вдали уже завиднелась Британия, когда над северной линией горизонта закрубились быстро темнеющие облака. Вялый ветерок посвежел, усилился, потом резко сменил направление, и мореходы с растущим ужасом вдруг увидели, как к ним с яростью ненасытных прожорливых хищников устремляются стаи вздыбленных пенистых волн. Шквал обрушился на головную трирему с устрашающей мощью. Первый же удар его вызвал такой крутой крен, что морякам, чтобы не слететь с палубы, пришлось по-

бросать все дела и мертвой хваткой вцепиться в ближайшие поручни или снасти. Когда трирема, неуклюже мотнув носом, выровнялась, префект обвел взглядом остальную флотилию, и увиденное ошеломило его. Несколько плоскодонных транспортов опрокинулись: людей накрыло горбатыми перевернутыми корпусами. Те, кому удалось вынырнуть, подбрасываемые волнами, пытались махать руками, кричать в нелепой надежде, что кто-то придет им на помощь. Однако эскадры уже не существовало: корабли, словно веником, размело во все стороны. И теперь каждое судно боролось за выживание в одиночку, ничуть не заботясь об участи прочих судов.

Вместе с дико завывающим ветром налетел дождь. Ледяные, косые струи хлестали как плети. Вся палубная команда мигом промокла, холод сковал движения моряков, не позволяя им действовать с должной сноровкой. Кутавшийся в непромокаемый плащ префект внезапно с отчетливой ясностью осознал, что, если шторм в скором времени не утихнет, корабль неизбежно останется без управления. Матросам уже и сейчас с ним не совладать. Видимо, на других судах дело обстояло не лучше. Влекомые бурей, они одно за другим исчезали во мгле. Их, правда, в основном гнало к берегу, однако по какой-то прихоти случая три корабля, возглавлявшие караван, потащило в открытое море. Флагман и тут сохранил свое лидерство, но радости в том было мало, так как его вмиг отнесло дальше всех. Шторм бушевал, не унимаясь, весь остаток дня и даже с приходом сумерек ослабевать, похоже, не собирался.

Припоминая все местные карты, когда-либо попадавшие ему на глаза, префект вглядывался в туманное побережье, пытаясь определить местоположение судна. Получалось, что между Рутупием и триремой лежало теперь много миль. По правому борту угадывались неприступные меловые утесы, высившиеся, как он помнил, около поселения Дабрис. Еще он помнил, что гряда их была нескончаемой. Значит, до ближних галечных отмелей, за которыми можно укрыться, минимум несколько часов ходу. А может, и меньше при таком ветре, только вот выдержит ли эту гонку обшивка? Триремы ведь вовсе не предназначены для скитаний по бурным морям.

Погруженный в свои размышления, префект не сразу заметил, что по пляшущей палубе к нему, пошатываясь, подбирается

капитан корабля. Старый моряк, подойдя, вскинул руку в салюте и тут же выбранился, ухватившись за леер.

— Ну? В чем дело? — крикнул префект.

— Пробоина! В трюме вода! — проревел капитан.

Полдня кряду выкрикивая команды, он совершенно охрип и для вящей ясности ткнул пальцем вниз:

— Она прибывает.

— Вычерпать можно?

Капитан покачал головой.

— И что же теперь?

— Нам надо попробовать оседлать шторм. Это наша единственная надежда хоть как-нибудь продержаться. Пока мы не найдем безопасное место, где можно выбраться на сушу!

Префект энергично кивнул, показывая, что все понял. Вот и прекрасно. Так тому, значит, и быть. Замечательный план. Пролететь сорок миль по кипящим волнам, а потом с ходу выскочить на надежный песок или гальку. Ничего сложного. Конечно, что-нибудь где-нибудь треснет и трирему придется латать, но это все лучше, чем напрочь ее загубить вместе с грузом, матросами и пассажирами. Ах да, пассажиры! Тут мысли префекта утратили саркастическую окраску, а самого его опалил жар стыда. В недрах триремы, под палубой, от превратностей бури пряталась знатная римлянка с маленькими детьми. Ее вверили его попечению, а он о ней совершенно забыл во всей этой суматохе.

— Действуй, как тебе кажется правильным, капитан! Я спущусь вниз.

— Есть, командир!

Капитан опять отсалютовал и повернулся к шкафуту, где сгрудились палубные матросы. Не обращая больше внимания на префекта, он зычно прокричал что-то, указывая на верхнюю перекладину мачты, к которой был принайтовлен свернутый большой парус, но никто из команды не двинулся с места. Последовал взрыв ругательств, ближайший слушник получил пинок, потом затрещину и лишь после этого начал карабкаться наверх. Остальные, цепляясь за ванты, последовали за ним. Если все они доберутся до реи, у триремы появится шанс не погибнуть в волнах. Парус будет поставлен, и судно наберет скорость, достаточную, чтобы, не теряя необходимой маневренности, мчаться впе-

ред наравне с ветром, опережая пляшущие под днищем валы. Каждая вспышка молнии мимолетно выхватывала из мглы переkreстья рангоута и черные на фоне ослепительно-белого неба силуэты людей. Префекту казалось, что в эти моменты даже дождь вроде бы прекращался. Капли словно зависали над палубой, а сам римлянин, несмотря на гложущий его страх, обмирал от восторга, восхищенный столь дивными проявлениями мощи Нептуна, могущественного владыки морей.

Наконец моряки заняли свои места. Упершись крепкими ногами в палубу, капитан вскинул голову и поднес сложенные ковшом ладони ко рту:

— Развернуть парус!

Онемевшие непослушные пальцы принялись судорожно раздгивать мокрые кожаные узлы. Кто-то из парней мешкал, кто-то был половчее, но парус, пусть и неравномерно, стал понемногу разворачиваться, и тут налетел очередной шквал. Шторм словно обрел второе дыхание, трирема резко дернулась, и какой-то совсем, видать, ослабевший бедняга не сумел удержаться на рее. Нелепо изогнувшись в попытке сохранить равновесие, несчастный сорвался с мачты. Миг — и тело его поглотила бушующая вода. Все случилось так быстро, что никто даже не заметил, куда он упал. Да на это и не смотрели. Каждый матрос ожесточенно и сосредоточенно боролся за жизнь корабля. Ветер свирепо трепал высвобожденную часть грубого полотнища, норовя вырвать из натруженных ноющих рук найтовы и шкоты, однако совместными усилиями парус все-таки удалось развернуть до конца. Закрепив рифовые шнуры, обессиленные и продрогшие моряки торопливо спустились на палубу, где опять сгрудились возле мачты в ожидании новых команд.

Несколько успокоившийся префект через кормовой люк уже осторожно сходил по крутой лесенке в черное чрево триремы. После пронзительно завывающего во всех палубных щелях ветра, громоподобного рокота волн и немолчного шума дождя внизу было неестественно тихо. Звук плача привлек его внимание к кормовому отсеку — небольшой каюте, устроенной в закуте, где воедино сходились длинные доски обшивки. Отсвет молнии, проникший сквозь люк, выхватил из кромешного мрака забившуюся в дальний угол этого ненадежного убежища женщину,

крепко обнимавшую двух детишек. Они дрожали, цеплялись за мать, жались к ней. Мальчуган лет пяти, похоже младшенький, безутешно рыдал, размазывая по бледному личику сопли и слезы. Его сестренка, будучи с виду на три годика старше, молчала, но ее глазенки были расширены от ужаса. Неожиданно трирема подскочила на огромной волне, и префекта швырнуло вперед. В паре шагов от своих пассажиров он не устоял на ногах и грохнулся на дощатый настил, больно стукнувшись грудью. Ему потребовалось какое-то время, чтобы восстановить дыхание и сесть, и тут из темноты послышался спокойный голос женщины:

— Мы ведь справимся с этим, правда?

Очередная вспышка молнии высветила бледные, искаженные паникой лица детей.

Не было смысла сейчас говорить о решении выброситься на берег. Как и о том, что это, наверное, единственный шанс спастись. Лучше избавить маленькую семью от излишних переживаний.

— Конечно справимся, моя госпожа. Пока что шторм гонит нас, и мы летим с ним, влекомые ветром. Но как только буря уляжется, мы повернем обратно, к Рутупию.

— Понятно, — бесцветным голосом произнесла женщина.

И префект понял: она догадалась о недосказанном. Проницательная особа, достойная своей благородной фамилии и своего мужа.

— Слышите, мои дорогие, — добавила мать, ободряюще обнимая детей. — Скоро мы обогреемся и обсохнем.

Префект вспомнил, какая дрожь бьет сейчас ребятишек, и проклял свою бездумную невнимательность.

— Минуточку, моя госпожа.

Его онемевшие пальцы суетливо завозились под горлом, пытаясь справиться с непослушной застежкой плаща.

— Вот. Это для тебя и твоих детей, госпожа.

Водонепроницаемая плотная ткань шурша, сползла, на доски настила.

— Спасибо, префект, это очень любезно с твоей стороны. Ну-ка, дети, прячьтесь скорее под эту накидку.

Префект обхватил свои плечи руками, стараясь сохранить остатки тепла или хотя бы создать иллюзию некоторого комфорта. Он не добился ни того ни другого, но через миг ощутил деликатное прикосновение.